

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ О
БЕРЕМЕННОСТИ И ВОЗМОЖНОСТЬ
РЕПРОДУКТИВНОГО ВЫБОРА

Александр
Першай

Першай

84

Фразеологизмы о беременности

На первый взгляд, кажется, что заводить детей или нет – это личное дело каждого. Однако, если начать разбираться в этом вопросе, то становится понятно, что на самом деле окружающим совсем не все равно, особенно, если речь идет о женщине. Чужой репродуктивный выбор становится объектом пристального внимания, если женщина не делает «традиционного», «правильного» выбора. Но откуда известно какой выбор «правильный»? Что задает нам смысловую траекторию для такой оценки?

Немаловажную роль в этом вопросе играет язык, и в особенности фразеологизмы, номинирующие репродуктивные процессы. Можно выделить два способа такой номинации. Одна группа фразеологизмов означает репродуктивную «зрелость», т. е. способность иметь детей, а вторая – различные стадии и «обстоятельства» беременности. Большинство фразеологизмов этой группы номинируют женщину, что, на первый взгляд, кажется естественным, т.к. биологически мужчина рожать не приспособлен. Хотя, как показывает анализ, дело здесь совсем не в биологии, и фразеологизмы обозначают совсем другие социальные механизмы.

Первая группа указывает на возраст человека в качестве маркера наступления фертильной зрелости. Другими словами, означаются моменты вступления и выхода из того временного промежутка, когда женщина способна забеременеть и родить. Дети и старики не могут быть полноценными участниками репродуктивных процессов, поэтому фиксируется возрастной рубеж «до» и «после» фертильной зрелости¹. Достижение репродуктивной зрелости указывает не столько на возраст человека, сколько на возможность ее (или его) вступления

1 Т.В. Цивьян. *Лингвистические основы балканской модели мира*. Москва, 1990. С. 163.

© Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 2. Личное как политическое. 2013. Сс. 84-91.

в брак: ср., например, русский фразеологизм *на возрасте* – ‘взрослый, достигший зрелости. Обычно о женщине’². Интересно, что похожая семантическая отсылка маркирует другой полюс этой оппозиции – пожилых людей: ср. рус. *в возрасте, в годах*.

Существует ряд единиц, которые означивают наступление фертильного периода женщины именно как наступление того момента, когда девушку ‘пора выдавать замуж’, например: рус. *на выданье; девушка (девка) на выданье*; бел. *на выданні*; польск. *panna (kobieta) w wieku poborowym; panna na wydaniu; panna do wzięcia*. О том, нужно ли замужество самой женщине фразеология умалчивает: о гетеросексистском характере фразеологизмов этой подгруппы речь пойдет ниже.

С другой стороны, фразеология указывает на окончание репродуктивного периода в жизни женщины, например: рус. *бальзаковский возраст*; польск. *wiek balsakowski*. Похожую семантику имеет английская идиома *to be on the shelf* (рус. аналог *выйти в тираж*). Рождение детей является залогом успешного социального воспроизводства, возможно, поэтому в традиционном обществе важно было обозначить «начало конца» полноценной фертильности женщины. Уже другой вопрос, насколько обоснованы такие предубеждения.

Кстати, наступление зрелости мужчины маркируется по-другому. Означивается не столько его биологический возраст, сколько готовность мужчины к выполнению «долга перед обществом», ср. польск.: *wiek poborowy* – ‘возраст, в котором мужчина подлежит службе в армии’. В то время как *kobieta w wieku poborowym* – ‘женщина в возрасте, когда можно выходить замуж’.

2 Лексикографические источники: Е.С. Мяцельская, Я.М. Камароўскі. *Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі*. Мінск, 1972; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. *Словарь русский фразеологии. Историко-этимологический справочник*. Санкт-Петербург, 2001; Л. Я. Лепешаў. *Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. У 2 т.* Мінск, 1993; *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5-ці т.* Мінск, 1977-1984; А.И. Федоров. *Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2т.* Москва, 1997; *Фразеологический словарь русского языка*. Москва, 1986; Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филипов. *Опыт этимологического словаря русской фразеологии*. Москва, 1987; Ф.М. Янкоўскі. *Беларуская фразеалогія. Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне*. Мінск, 1968; W.S. Fowler. *Dictionary of Idioms*. Walton-on-Thames, 1982; NTC's *Americans Idioms Dictionary*. Chicago, 1994; S. Skorupka. *Słownik frazeologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1995; *The Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford, 1999; *The Penguin Dictionary of English Idioms*. London, New York, 2001; *Wielki słownik frazeologiczny: polsko-rosyjski; rosyjsko-polski*. Warszawa, 1998.

Отмечу, что возраст в этой группе фразеологизмов выступает как социальная, а не биологическая категория. То есть, важно не то, что девушке или молодому человеку исполнилось столько-то лет, важнее тот факт, что она или он готовы к исполнению своего «долга перед обществом». Хотя, если судить по гендерно маркированной фразеологии, долг мужчины в основном сводится к службе в армии. В то время как женщины должны рожать, что делает их машиной для биологического воспроизводства и лишает права голоса в случае отказа беременеть и заводить детей. Кстати, позиция «счастливой» матери и верной жены, о чем речь пойдет ниже, наоборот, внятно «слышна» во фразеологической системе – беременность приветствуется, но только в рамках законного брака, о чем свидетельствует другая группа фразеологизмов, номинирующих репродуктивные процессы.

Часть фразеологических единиц обозначает различные стадии и «обстоятельства» беременности. Причем беременность, так же, как и возраст, хоть и является «биологическим» процессом, но на самом деле регулирует социальные отношения. Лексически маркируется не столько сам факт беременности, сколько ее обстоятельства, т.е. возраст забеременевшей женщины и ее семейное положение. Для этой группы фразеологизмов ключевой является именно оценочная характеристика репродуктивного процесса.

Многие фразеологизмы номинируют различные сроки беременности, например: бел. *дзіцем хадзіць* – ‘быць цяжарнай’; *з’есці навука* – ‘зацяжарыць’; *на маладое (каму) ‘ёсць прыкметы цяжарнасці*’; польск. *być przy nadziei* – ‘быть с надеждой: о беременной’; *być w poważnym stanie* – ‘быть в уважаемом положении: о беременной’; *nosić w sobie (w łonie, pod sercem)* – ‘быть беременной’; рус. *с прибылью (кто)* – ‘о беременной женщине’; *в положении* – ‘о беременной женщине’; англ. *in the family way* – ‘семейным образом: о беременной женщине’; *in the [pudding] club* – ‘о беременной женщине’.

Особое внимание фразеологическая система уделяет последней стадии беременности: бел. *хадзіць на выліўках* – ‘быць цяжарнай на апошнім месяцы (пра жанчыну)’; *хадзіць на пары, хадзіць на часах* – ‘пра цяжарную перад блізкімі родамі’; рус. *на сносях* – ‘на последнем месяце беременности, скоро

должна родить. О женщине'. Специальная фразеологическая номинация последнего триместра, возможно, обусловлена опасениями осложнений и преждевременных родов, а также символически нагружена важностью скорого перехода женщиной на иную социальную позицию – материнство.

Семантика фразеологизмов отрицательно маркирует раннюю беременность: англ. *gymslip pregnancy* – 'беременность в школьном переднике' – 'говорится, если забеременеет школьница, иногда в возрасте двенадцати лет'. Эта единица связана с первой группой фразем, описывающей репродуктивные процессы, и подчеркивает важность соблюдения возрастных ограничений для воспроизводства.

Беременность рассматривается положительно как продолжение рода и отрицательно – как последствия нежелательной сексуальной активности. Семантика фразеологизмов четко разделяет легитимную, одобренную обществом беременность женщины и «несанкционированную» внебрачную. Фразеологизмы, описывающие «легальный» статус беременности, имеют нейтральный характер и имплицитно указывают на приемлемость и важность этого состояния, например: польск. *być w poważnym stanie* – 'быть в уважаемом положении'; *być przy nadziei* – 'быть с надеждой'; англ. *be with child* – 'быть с ребенком'; *in the family way* – 'семейным образом'; бел. *дзіцем хадзіць; у цікавым становішчы*; рус. *с прибылью*.

Внебрачная беременность оценивается отрицательно и маркируется как *просторечное, предсудительное, неодобрительное*, например: рус. *ветром надуло* – 'Прост. Ирон. О женщине забеременевшей без мужа или родившей внебрачного ребенка'. Грубые и стилистически сниженные компоненты в составе фразеологических единиц подчеркивают отрицательное отношение социума к последствиям внебрачных отношений и к индивидам, в них вступившим, ср.: бел. *пуза на нос лезе*; рус. *нагулять брюхо*. Центром «конфликта» становится не сама беременность, а именно не соблюдение брачных норм. Дефиниции фразеологизмов дополнительно подчеркивают предпочтительность законного брака перед неоформленными отношениями и нежелательность вне-

брачных связей для женщины³, ср.: англ. *make an honest woman of somebody* – ‘сделать кого-либо честной женщиной’ – ‘жениться на женщине после вовлечения ее в сексуальную связь, особенно о беременной женщине’; бел. *пуза (жывот) на нос лезе (палезе)* – ‘кто-небудзь у стане цяжарнасці. Звычайна пра жанчыну, якая не знаходзіцца ў шлюбе’; рус. *приносить в подоле* – ‘родить внебрачного ребенка’. Другими словами, этой подгруппой фразеологизмов означает важность сохранения легитимного статуса беременности, который, в свою очередь, символически репрезентирует сохранение существующего социального порядка.

Интересно, что составители словарей часто добавляют уточнение «о женщине» в дефиниции фразеологизмов, номинирующих беременность. Я не думаю, что лексикографы намекают на то, что забеременеть может и мужчина. Скорее, это еще один способ имплицитно обозначить «обязанность» женщины рожать, то есть речь идет о ее репродуктивной свободе.

Невозможность иметь детей по медицинским причинам также отрицательно маркируется, например: рус. *бесплодная смоковница* – ‘бездетная женщина’. Кстати, бездетность мужчины также не желательна, ср.: англ. *fring blanks* (досл. ‘стреляющий вхолостую’) – ‘о мужчине, бесплодный’. Причем, эта единица имплицитно указывает именно на невозможность иметь детей по медицинским причинам, а не на выбор мужчины быть *childfree*.

Осознанное же предпочтение женщиной жизни без детей имплицитно номинируется только одним фразеологизмом: бел. *сіняя панчоха* – ‘непрывабная жанчына, якую больш за ўсё цікавяць дзелавыя і навуковыя заняткі’; рус. *синий чулок*; англ. *blue stocking*. Эта фразеологическая единица имеет отрицательную коннотацию и имплицитно указывает на нежелательность выбора женщиной иной модели поведения, чем забота о муже, семье, потомстве и, в конечном счете, об андроцентричном традиционном обществе и его статус кво.

3 Регулирование сексуального поведения также фиксируется фразеологической системой, давая разную характеристику мужским и женским внебрачным связям. См., например: А.Ю. Першай. Сексуальная инициатива: репрезентация и оценка (на материале белорусской фразеологии) // *Гендерные проблемы в общественных науках*. Москва, 2001. С. 109-120.

С другой стороны, фразеологизм *синий чулок* означает и женскую независимость и самостоятельность, что не может оцениваться положительно в патриархатном обществе, т.к. исключает возможность контролировать женскую сексуальность и ее репродуктивный выбор. Данная единица стоит особняком и скорее является знаком того, чего традиционное общество предпочитает избегать, потому что такая женщина выпадает из установленной системы распределения власти и личной свободы⁴.

В целом, фразеологизмы этой небольшой группы, номинирующие репродуктивные процессы, указывают на ряд важных культурных механизмов. С одной стороны, биологические характеристики возраста и беременности выступают в качестве социальных признаков – возраст означает *социально приемлемый* фертильный статус женщины, а беременность выступает в качестве маркера соблюдения брачных уз и, тем самым, традиционного общественного порядка. Легитимность беременности важна для соблюдения норм передачи собственности, поскольку в рамках института традиционного брака жены и дети являются собственностью мужчины и выступают в качестве символов социального обмена⁵.

В свою очередь, это связано с другой особенностью: в большинстве приведенных выше фразеологизмов женщина выступает не как самостоятельный член общества, а как ходячий инкубатор, с момента наступления фертильной зрелости способный только на замужество и вынашивание потомства. Возможность самой выбирать рожать или не рожать у женщины отсутствует – ценность беременности и воспроизводства под сомнение не ставится, а мнения или решения самой женщины как бы и нет.

Конечно, можно с долей иронии отнестись к языковым единицам, которые отражают «наивно-фольклорные» представления о том, что и как должна делать женщина. Но, в таком случае, почему многие политики, исследователи, журналисты

4 Интересно, что мужчины, не вступающие в брак, номинируются нейтральными фразеологизмами, например, бел. *жыць як бабіч* – [пра мужчыну] Жыць адзінока, без жонкі, дзяцей; *хадзіць бабылём* – [пра мужчыну] Доўга не жаніцца, жыць адзінока, без сям'і.

5 Р. Коллинз. Введение в неочевидную социологию (гл. V. Любовь и собственность) // *Антология гендерной теории*. Минск, 2000. С. 114-140.

и рядовые граждане все время апеллируют к социальным нормам, зафиксированным в языке и во фразеологии в частности? Ведь все понимают, что этот сегмент языковой системы отражает устои уже ушедшего «традиционного» доиндустриального общества⁶. Что именно мы пытаемся «удержать», когда характеризуем чье-то поведение с помощью матрицы социокультурных ценностей времен, скажем, наших прабабушек, когда благосостояние семьи определялось количеством детей-работников? Насколько такие нормы оправданы в наши дни?

В культуре ничего не пропадает, оно лишь принимает другую форму и действует на уровне «непроговоренной» информации⁷. Поэтому нельзя недооценивать силу языка, который несет в себе культурные ценности отживших социальных формаций, которые, однако, не перестают влиять на мотивацию и общественное мнение в наши дни. Здесь важно давать себе отчет в том, для чего язык «подсказывает» нам, что и когда нужно сказать.

Во многом эти языковые «подсказки» направлены на сохранение существующего распределения властных и социальных ресурсов гетеросексистского общества. То есть той системы, в которой приемлемыми считаются патриархатные и с ними связанные гетеронормативные нормы. В этой системе отношений нормой всегда считается «мужское», которое лукаво именуется «общечеловеческим», а женщина «прописывается» как существо зависимое и без мужчины не полноценное⁸. В патриархатном андроцентричном обществе «мужское» является социокультурной нормой и во многом определяет порядок вещей, даже когда оно эксплицитно не проговорено:

6 Об этом, среди прочего, идет речь в статье Анны Шадринной о выборе женщиной быть *childfree*, см. стр. 101-113 в этом выпуске альманаха. *Прим. ред.*

7 Здесь я ссылаюсь на работы Люи Альтюссера, который говорит о том, что любое историческое и культурное знание становится идеологическим инструментом и становится столь эффективным именно благодаря своей «обыденности», общепринятости и непроговоренности. См. L. Althusser. *For Marx*. London, New York, 2005; *Lenin and Philosophy and Other Essays*. New York, 1971; и др.

8 Исследования сексизма в языке – важная часть гендерной и феминистской лингвистики, проблематизирующая «ущербность» и производность женских номинаций, дефиниций и коннотаций от мужских, см. например: R. Lakoff. *Language and Woman's Place*. New York, 1975; D. Spender. *Man Made Language*. London, Boston, 1980; A. Pauwels. *Women Changing Language*. London, 1998; М. Хеллингер. *Контрастивная феминистская лингвистика // Феминизм и гендерные исследования*. Тверь, 1999. С. 91-98; и др.

В итоге социальное господство “мужского порядка” может, например, приобретать статус грамматической нормы, по отношению к которой все остальные “вариации” и “исключения”⁹.

Аналогично тому, как в славянских языках используются мужские местоимения в тех случаях, когда пол говорящего неизвестен, точно так же «невидимая» мужская норма подразумевается, когда речь идет о женском поведении и, в нашем случае, о ее репродуктивном выборе. Другими словами, (репродуктивный) выбор женщины всегда подчинен «мужскому» социальному порядку: женщине предписывается выходить замуж по достижении фертильной зрелости и рожать в рамках законного брака. Кроме биологического воспроизводства, эта «нейтральная» норма обеспечивает сохранение института нуклеарной семьи, равно как и связанные с ней системы распределения власти, сохраняющей за мужчиной привилегированную социальную позицию. По большому счету, женщина как «вариация» от мужской нормы, а не полноценный член общества, выбора лишается.

Подчеркну, что я не оспариваю выбор женщины иметь детей – это личное дело каждого. Я нахожу проблемной «универсализацию» этого выбора, т.е. когда чей-то индивидуальный выбор приравнивается к норме и становится всеобщей обязанностью. Даже если этот выбор «подтверждается» культурной традицией и гендерными стереотипами, зафиксированными в языке, это не является поводом дискриминировать людей, предпочитающих жить по-другому.

9 С. Ушакин. *Поле пола*. Вильнюс, Москва, 2007. С. 181.